

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48>

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Наталья Михайловна Бибина¹

Элина Андреевна Цай²

^{1,2} Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

¹ mouse.nata.84@mail.ru

² elinatsay.22200512@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются итоги проведения Судебной реформы 1864 г. в России. Авторы исследовали различные взгляды и мнения о содержании судебных преобразований во второй половине XIX в. Особое внимание уделено конституционному характеру и влиянию Судебной реформы 1864 г. на развитие уголовного судопроизводства. Судебные уставы 1864 г. (основополагающие документы судебной реформы) являются бесспорным достоянием не только русской, но и общеевропейской культуры.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г.; прокуратура; прокурорский надзор; уголовное судопроизводство; конституционализм; судебная власть; правосудие.

Для цитирования: Бибина Н. М., Цай Э. А. Судебная реформа 1864 г.: исторический опыт и влияние на российское общество и государство // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 41–48. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48>

Research Article

THE JUDICIAL REFORM OF 1864: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONNECTION WITH THE PRESENT

Natalia M. Bibina¹

Elina A. Tsay²

^{1,2} Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

¹ mouse.nata.84@mail.ru

² elinatsay.22200512@gmail.com

Abstract

The article analyses the results of the Judicial Reform of 1864 in Russia. The authors investigated various views and opinions about the content of judicial reforms in the second half of the 19th century. Special attention is paid to the constitutional character and influence of the Judicial Reform of 1864 on the modern state of prosecution, criminal proceedings and principles of justice. Judicial Statutes of 1864 (fundamental documents of judicial reform) are undisputed heritage of Russian law.

Keywords: Judicial Reform of 1864; prosecutor's office; prosecutorial supervision; criminal proceedings; constitutionalism; judicial power; justice.

For citation: *Bibina N. M., Tsai E. A. The Judicial Reform of 1864: Historical Experience and Connection with the Present. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 4, pp. 41–48. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-41-48>

Введение

Преобразование судебной системы, осуществленное в 1864 г., стало следствием нарастающей необходимости реформирования устаревшей структуры, не соответствовавшей требованиям общества. Дореформенный суд характеризовался запутанными и многочисленными процессуальными требованиями, что затрудняло определение юрисдикции различных судебных органов [1, с. 114–116]. В некоторых случаях это приводило к длительным задержкам в рассмотрении дел.

Судебная система функционировала на основе сословного принципа, что предопределяло ее структуру и подходы. В дополнение к обычным судам существовало множество специализированных инстанций, таких как военные, духовные, коммерческие, совестные и межевые трибуналы. Исполнение судебных функций также возлагалось на административные структуры, включая губернские управле-

ния и полицейские органы. Одной из самых серьезных проблем дореформенной судебной системы было повсеместное взяточничество, которое достигло угрожающих масштабов и затронуло практически все уровни государственного аппарата. Попытки искоренить эту порочную практику оказались тщетными. Кроме того, законодательством не было установлено никаких требований к образованию судей, как в юридической, так и в общей сферах знания [2, с. 36–37].

Практика и опыт Судебной реформы, проведенной в России во второй половине XIX в., наглядно демонстрируют, как масштабные преобразования в сфере юстиции могут значительно изменить состояние общества в целом. Принципы и институты, которые внедрялись в других странах через разработку новых конституций, были интегрированы в российскую правовую действительность с принятием Судебных уставов 1864 г. Эти уставы не только нормативно закрепили прогрессивные элементы судопроизводства, но и сделали это в условиях сохраняющегося самодержавия, что стало своеобразным прорывом в развитии правовой системы России [3, с. 166–170].

1. Значение Судебной реформы 1864 г. и история судебной дореформенной системы

До середины XIX в. судебная система в России была неотъемлемо связана с административным аппаратом и, как правило, сильно зависела от него. Во многих случаях различия между административными и судебными мерами репрессии были едва заметны, затрагивая не только сферы политической юстиции [4, с. 16–31]. Судебные органы, занимающиеся уголовными и гражданскими делами, не обладали полной независимостью. Ярким подтверждением этого является высказывание министра внутренних дел С. С. Ланского, который заметил: «Администрация ездилла верхом на юстиции». Эта фраза точно отражает реальное положение суда в условиях самодержавного правления в России.

В различных научных исследованиях, исторической литературе Судебная реформа 1864 г. представлена как самая последовательная. В первой половине XIX в. М. М. Сперанский предложил обширную программу реформирования судебной системы Российской империи. Предложение М. М. Сперанского и есть подтверждение длительной, тщательной подготовки к судебной реформе. Отправной точкой подготовки рассматриваемой реформы многие авторы считают лето 1857 г. В этот период в Государственный совет поступил проект Устава гражданского судопроизводства, который был подготовлен графом Д. Н. Блудовым.

2. Изменения, внесенные Судебной реформой 1864 г. в уголовное судопроизводство

Судебные преобразования 1864 г. стали важным шагом к формированию новых принципов и институтов правосудия в России, оказав значительное влияние на ключевые аспекты жизни общества. В рамках Судебных уставов, принятых в 1864 г., был официально закреплён принцип равенства всех российских граждан перед законом и судом. Данная инициатива существенно подорвала основы сословной системы, которая ранее обеспечивала привилегии и наложенные ог-

раничения, определяющие отношения внутри общества. Эти преобразования стали важным шагом на пути к более справедливой и демократичной правовой системе [5, с. 26–43].

Впервые была четко определена цель уголовного судопроизводства – охрана общества и государства от преступных посягательств. «Задача его [суда] – охранять общество от уголовных правонарушений, восстанавливать по возможности нарушенный правовой порядок и взыскивать с виновного», «отсутствие суда как государственного учреждения вело бы за собою самосуд со стороны обвиняемого, самоуправу, т.е. создало бы анархию». Этим впервые подчеркивалось значение суда как особого органа государственной власти, необходимого в каждом государстве.

Существует ли в юридической науке краткое и однозначное название для модели уголовного процесса, имплементированной в России Уставом уголовного судопроизводства, представляющего собой современный, континентальный процесс? Западная доктрина никогда не ставила этот вопрос под сомнение, так же как и российская дореволюционная наука [6, с. 28–32]. Тем не менее в последние два десятилетия этот вопрос стал причиной ожесточенных дискуссий, фактически расколовших российскую уголовно-процессуальную науку на два противоборствующих лагеря.

Одним из таких обозначений является известный принцип материальной истины (франц. *vérité matérielle*; нем. *materiellen Wahrheit*), который охватывает все современные уголовно-процессуальные системы континентального типа, включая Францию, Германию, Бельгию и Швейцарию. В этом контексте невозможно представить уголовно-процессуальную систему, использующую институты, связанные с понятием «следствие» (например, предварительное следствие, судебное следствие, следователь и следственные действия), без опоры на принцип материальной истины.

В отличие от некоторых современных российских теорий ни один дореволюционный отечественный или западный исследователь, анализирующий уголовно-процессуальное право Франции, Германии или Швейцарии, не ставил под сомнение существование принципа материальной истины в этих системах. Этот принцип фактически обозначает тип процесса, и здесь нет предмета для спора – это истина, о которой не следует дискутировать [7, с. 2834–2840].

Хотя в Уставе уголовного судопроизводства формально не было определения принципа материальной истины, такой необходимости не существовало. Нормативное закрепление того или иного правила становится актуальным лишь тогда, когда имеется хотя бы гипотетическая альтернатива, чего в данной ситуации не было, учитывая технические аспекты уголовного процесса. Кроме того, Устав не имел специального раздела о принципах: мода на подобные определения пришла позднее, уже во второй половине XX в. Тем не менее термин «истина» был использован, например, в ст. 613, где утверждается, что председатель суда должен направлять «продвижение дела к такому порядку, который наиболее содействует раскрытию истины».

Объективная (материальная) истина в Уставе полностью отрицает формальную истину: «Суд есть достижение правды, и решение суда будет тогда только справед-

ливым, когда судьи при возникающем сомнении относительно факта могут сами лично или посредством заключения эксперта убедиться в действительности события, к которому они должны приложить закон и разрешить предмет спора на основании не формальной, но материальной истины».

Таким образом, в 1864 г. Россия внедрила современную модель уголовного процесса континентального типа, или, что одно и то же, уголовно-процессуальную систему, основанную на принципе материальной истины. Предполагалось, что эта модель будет эволюционно развиваться, как это происходило в других странах континентальной Европы (например, в Германии и Франции), и главным образом она заключалась в постепенном расширении прав участников уголовного судопроизводства в рамках континентальной логики. Иными словами, сохраняя фундаментальные архитектурные элементы, континентальный уголовный процесс аккуратно формировал правозащитную составляющую, предоставляя защитникам доступ к предварительному следствию, расширяя права потерпевших и принимая прочие меры для обеспечения прав личности [8, с. 123–130].

3. Мнение исследователей и правоведов: оценка исторического опыта

Судебная реформа, осуществленная Александром II, и возложенные на нее институциональные основы судоустройства и судопроизводства неизменно привлекают внимание историков российского права. Многие исследователи считают эту реформу наиболее прогрессивной среди преобразований, проведенных правительством Александра II, и эту точку зрения разделяли даже советские ученые, занимающиеся историей государства и права. В советский период Б. В. Веленский провел подробное исследование судебных преобразований 1864 г., однако его работа оказалась подверженной влиянию устоявшихся канонов советского мышления. В его анализе судебного переустройства самодержавия акцент делался на борьбе революционно-демократических сил против доминирующего класса. В то же время интересные мысли о причинах реформы высказывает М. Г. Коротких, который связывает необходимость изменений с кризисом «верхов», осознавших настоятельную потребность в переменах, а не с революционными выступлениями демократических кругов.

Согласно воспоминаниям государственного секретаря А. А. Половцова, император Александр III, оценивая итоги предшествующего царствования, утверждал, что Судебные уставы 1864 г. были приняты покойным государем под давлением тех, кто стремился навязать ему конституцию, и что это было лишь первым шагом на этом пути. Важно отметить, что принципы и институты, легшие в основу Судебной реформы, обладают ярко выраженным конституционным характером. Нам представляется вполне обоснованной идея, что император Александр II планировал поэтапное внедрение конституционных основ в российское законодательство и общественную жизнь. Досоветская историография также акцентировала внимание на конституционном аспекте преобразований, происходивших во второй половине XIX в. В. Фукс, например, подчеркивает, что новый суд должен был служить не только гарантией правильного разрешения уголовных и гражданских дел, но и мощным инструментом против произвола полиции и административных

посягательств на личные свободы граждан – своего рода политическим аналогом *habeas corpus* – основой для формирования полноценной системы конституционных порядков в будущем [9, с. 29–40].

Русский государственный деятель и правовед К. П. Победоносцев, который активно участвовал в подготовке Судебных уставов 1864 г., а потом стал главным теоретиком политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, позднее говорил о новом суде следующее: «Такой суд не может быть опорой государства». Н. В. Муравьев (министр юстиции с 1894 г.) считал, что принципы и институты Судебной реформы второй половины XIX в. не соответствовали особенностям государственного и общественного быта России: «Одежда не по меркам».

Заключение

Анализируя итоги Судебной реформы в контексте мнений государственных чиновников о целостности государственного механизма в России, можно заключить, что организаторы судебных преобразований, успешно запустившие процесс реформирования, не имели права останавливаться на полпути. Начав реформу, ее следовало продолжать, стремясь к дальнейшему продвижению. Преобразователям судостроительства и судопроизводства в России важно было сохранять последовательность в осуществлении своих намерений [10, с. 138–149]. Опыт реализации судебной реформы в России наглядно показал, что в условиях отсутствия необходимых предпосылок для функционирования самостоятельного и независимого суда исполнительная власть всегда имеет возможность преобладать над судебной.

Судебная реформа 1864 г. в России кардинально изменила восприятие суда и правосудия в обществе. Эта реформа стала следствием настоятельной необходимости глубокой теоретической и практической переоценки русской судебной системы и процесса. Прогрессивный характер реформы заключался в ее способности положить начало новым юридическим институтам, а также в устранении хаоса с судебной системой и утверждении ее независимости. Хотя вскоре после реформы начали проявляться тенденции к отступлению от ее ключевых принципов, в ее фундамент были заложены демократические основы, которые и по сей день имеют актуальное значение. Судебная реформа привнесла в российскую правовую действительность принцип гласности, принцип состязательности, принцип равенства всех перед судом, понятие презумпции невиновности. Все это применяется и реализуется по сей день. Судебная реформа 1864 г. представляет собой либерально-буржуазное преобразование, инициированное царским правительством в отношении общей структуры и порядка уголовного и гражданского процессов в России.

Пристатейный библиографический список

1. Агапова А. Р. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти // Вестник науки. 2021. № 1 (34).
2. Головкин Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. 2015. № 1.

3. Нека Л. А. Русское уголовное судопроизводство. Исторический взгляд на правовую реформу 1864 года // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.
4. Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12.
5. Филонов Г. А., Черных В. С. Судебная реформа Александра II // Территория науки. 2015. № 4.
6. Коваль С. В., Коноваленко П. Н. Исторический опыт и влияние судебной реформы 1864 года на российское общество и государство // Вестник КГУ. 2018. № 3.
7. Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49).
8. Климанов А. Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 1 (26).
9. Карпачев М. Д. Судебная реформа 1864 г. в России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.
10. Дорская А. А. Роль министерства юстиции в подготовке и проведении первого этапа Судебной реформы 1864 г. // Вестник РГГУ. 2016. № 4.

References

1. Agapova A. R. The Judicial Reform of 1864 and its Influence on the Development of Modern Judicial Power. *Herald of the Science*, 2021, no. 1 (34). (In Russ.)
2. Golovko L. V. The Judicial Reform of 1864 and the Modern Development of Domestic Criminal Proceedings. *Herald of Moscow University*, 2015, no. 1. (In Russ.)
3. Neka L. A. Russian Criminal Proceedings. Historical View of the Legal Reform of 1864. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 2. (In Russ.)
4. Krakovskii K. P. The Judicial Reform of 1864: Significance and Historical and Legal Assessments. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 12. (In Russ.)
5. Filonov G. A., Chernykh V. S. Judicial Reform of Alexander II. *Territory of Science*, 2015, no. 4. (In Russ.)
6. Koval S. V., Konovalenko P. N. Historical Experience and the Impact of the Judicial Reform of 1864 on the Russian Society and State. *Herald of KSU*, 2018, no. 3. (In Russ.)
7. Dudko N. A. Step-by-Step Introduction of Jury Trial in the Russian Empire Under the Judicial Reform of 1864. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 12 (49). (In Russ.)
8. Klimanov A. Iu. From the Domestic History of Reforming the Judicial System: Judicial Reform in 1864. *Herald of the International Institute of Economics and Law*, 2017, no. 1 (26). (In Russ.)
9. Karpachev M. D. The Judicial Reform of 1864 in Russia: A Step Towards the Rule of Law. *Judicial Power and Criminal Procedure*, 2014, no. 3. (In Russ.)
10. Dorskaia A. A. The Role of the Ministry of Justice in the Preparation and Implementation of the First Stage of the Judicial Reform of 1864. *Herald of Russian State University for the Humanities*, 2016, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Н. М. Бибина – кандидат исторических наук, доцент.

Э. А. Цай – стажер-исследователь.

Information about the authors:

N. M. Bibina – PhD in History, Associate Professor.

E. A. Tsai – Research Intern.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.